УДК 821.161.1
DOI: 10.17223/19986645/57/12

В.С. Киселев

СЦЕНАРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ГЕРМАНИИ В ОСМЫСЛЕНИИ В.А. ЖУКОВСКОГО (ПО МАТЕРИАЛАМ ПУБЛИЦИСТИКИ И ЭПИСТОЛЯРИЯ 1848–1850 гг.)[1]

На материале политической публицистики и переписки 1848–1850 гг. выявляется отношение Жуковского к сценариям объединения Германии, сформировавшимся в ходе революционных событий. Писатель тяжело переживает паралич самодержавной власти в начале революции и приветствует ее дальнейшие меры по ограничению конституционных реформ, а затем по сохранению исторически сложившихся династических традиций. К 1850 г. Жуковский отказывается и от приоритета федерализма в пользу деспотического объединения Германии под властью прусского короля.

Ключевые слова: *В.А. Жуковский, революция в Германии 1848 г., объединение Германии, политическая публицистика, письма.*

В середине XIX в. Российская империя и германские государства оказались на периферии охвативших европейские страны процессов национального строительства. Произошло это по разным причинам, но само сходство ситуаций способствовало активному трансферу идей и концепций, посвященных политическому и культурному конструированию национального целого. В случае Российской империи, объединенной принципом династической легитимности, насущной «модернизационной» задачей являлось усвоение национальных категорий в политике, административной практике и культуре, что порождало многочисленные проблемы – в выделении национального ядра империи, в национализации имперской элиты, в примирении самодержавно-сословной иерархичности и эгалитарности нации-государства [1–3].

Для сообщества германских государств (Германского союза) ситуация была иной: родившийся и укрепившийся в ходе наполеоновских войн концепт единой немецкой нации в первой половине XIX в. противоречил реальной политико-административной разделенности на множество династических целых, что способствовало поддержанию региональных различий. Тем самым ключевым вопросом немецкой «модернизации» выступал поиск государственной модели, способной разрешить этот конфликт на путях самодержавных или республиканских [4. С. 118–139]. Острота проблемы стала одной из причин мартовской революции 1848 г., в ходе

[1] Статья подготовлена при финансовом содействии гранта РФФИ № 18-012-00113 и Программы повышения конкурентоспособности ТГУ (проект № 8.1.35.2018).

которой ожесточенно столкнулись разные стратегии национального объединения.

Оригинальную рефлексию этих событий и политических столкновений предложил в своем эпистолярии и публицистике их непосредственный наблюдатель В.А. Жуковский, для которого немецкий опыт неизменно проецировался на российский. Категорическое неприятие революции, осмысление ее как падения европейской цивилизации, высказанное в статьях и письмах этого периода, подвигло поэта на поиск исторических и мировоззренческих истоков происходящего. Здесь писатель развивал идеи о революции как результате не только хищного буйства толпы, но и беспечности, глухоты и произвола монархов, забывших истинные указания Промысла, выстраивая цельную историософскую концепцию отхождения европейской цивилизации от духа христианства (веры в святое) с указанием ведущих импульсов и этапов – вплоть до современности.

Революционной Европе противопоставлялся идеал «Святой Руси», вполне сохранившей истинную веру и самодержавные устои, вернее, уверенность в их божественной природе, о чем подробнее Жуковский писал в статье «Самоотвержение власти». В этом пункте писатель развивал оригинальную концепцию нациестроительства, основанную на идее «семейственной монархии», на патерналистском сближении сакрализованной государственной власти (Россия) и народа, хранителя веры и патриархальных устоев (Святая Русь) [5–6]. Осмысление поэтом немецких объединительных тенденций определялось историософскими представлениями, сложившимися еще в 1820–1830-е гг. и реализовавшимися в том числе и в преподавании истории великому князю Александру Николаевичу [7. С. 165–202; 8. С. 43–79]. В них сложно сплелись рефлексы руссоистских представлений об общественном договоре, гердеровского подхода к национальной специфике, порождаемой климатом, ландшафтом, природными условиями, романтической философии истории с ее персонализацией нации как коллективной личности.

Своеобразным ключом к концепции Жуковского могут служить многократно в разных контекстах актуализируемые девизы «Умеренность! Порядок!» из «Всемирной истории» (1811) швейцарского историка Иоганна Миллера. Ими, в частности, поэт завершил свою программную «педагогическую» статью «Польза истории для государей» (1829), где лаконично излагались основные принципы «идеального» самодержавия:

> Наконец в заключение слова Иоанна Мюллера, коими он оканчивает свою Всемирную Историю: *умеренность! порядок!* а смысл их: не упускай никогда из виду своей цели; подвигайся вперед, не быстро, но постоянно; строй без спеха, но для веков; исправляй, не разрушая; не упреждай своего века, но и не отставай от него; не будь его рабом, но свободно и могущественно с ним соглашайся: будешь владеть им, когда не презришь его совета; будешь его жертвою, или окружишь себя жертвами, когда захочешь его пересилить [9. С. 223; 10. С. 714].

Основным вектором истории Жуковский считал нравственное совершенствование человека и общества, к которому подвигает Божественное

Провидение. Умение угадать его и органично следовать ему обеспечивает правильное историческое развитие, а единственным легитимным институтом, воплощающим волю Провидения, является самодержавная власть, которая руководствуется законом и совестью и выступает гарантом общественного договора. Именно это идеальное содержание Жуковский вложил в представление о Святой Руси, ставшей образцом медленного, но самобытного и органического развития в публицистике 1848–1850 гг.

Антитезой эволюции выступает быстрое историческое изменение, приводящее неизменно к катастрофе, метафорический образ которой поэт предложил в статье 1833 г. «Две всемирные истории», отзыве на «Историю нашего времени» (1829) К.А. Менцеля, в виде селений швейцарского местечка Гольдау, разрушенных падением горы и за двадцать лет так и не восстановленных:

> Вот история всех революций, всех насильственных переворотов, кем бы они производимы ни были, бурным ли бешенством толпы, дерзкою ли властью одного! Разрушать существующее, жертвуя справедливостью, жертвуя настоящим для возможного будущего блага, есть опрокидывать гору на человеческие жилища с безумною мыслью, что можно *вдруг* бесплодную землю, на которой стоят они, заменить другою, более плодоносною. <…> Время – истинный создатель, мы же в свою пору были только преступные губители, и отдаленные благие следствия, загладив следы погибели, не оправдывают губителей. На этих развалинах Гольдау, ярко написана истина: «Средства не оправдываются целию; что вредно в настоящем, то есть истинное зло, хотя бы и было благодетельно в своих последствиях; никто не имеет права жертвовать будущему настоящим и нарушать верную справедливость для неверного возможного блага» [9. С. 326].

Революция, стремящаяся здесь и сейчас воплотить утопический идеал, своим насилием противоречит логике Божественного Провидения, строящего медленно, но верно. Суть этой «горной философии» точно акцентировал А.С. Янушкевич:

> Картина горных обвалов, превращающих цветущие долины в пустыни, рождает символический образ исторических катаклизмов, связанных с проносящимися над человеческой цивилизацией революциями. Горная философия поэта – это утверждение созидательной деятельности человека. «Иди шаг за шагом за временем, вслушивайся в его голос и исполняй то, чего он требует…» – эту историософскую максиму Жуковский наполняет размышлениями о предназначении человека, о Провидении и Божественном Промысле, о соотношении прошлого, настоящего и будущего, о революциях и их последствиях [10. С. 755] (см. также [11. С. 133–143]).

Именно такой катастрофой стал для Жуковского сценарий объединения Германии, который предложили революционные события 1848 г. В плане философских оснований нациестроительства они отразили переориента-

цию с романтических идей на гегелевскую концепцию истории, анализирующей логику мирового исторического развития и разделявшей нации на «исторические», создавшие баланс национального духа и государственной эффективности, и «неисторические», оригинальные, но лишенные политического влияния [12]. В прагматическом плане это требовало поиска новых инструментов для объединения нации и исторического прорыва, когда модернизации самодержавия через новые правовые, социальные и экономические формы (Й. фон Радовиц, Л. фон Штейн, Г. Вагнер, Д.Ф. Лист и др.) оказались противопоставлены разнообразные конституционалистские и республиканские идеи, в том числе социалистическая доктрина К. Маркса и Ф. Энгельса, подразумевающая революционное разрушение старой германской государственности в пользу пролетарского эгалитаризма и интернационализма.

Интерес Жуковского к борьбе нациестроительных идей в предреволюционной Германии высказался в круге чтения 1840-х гг., в частности в отклике на анонимно опубликованную книгу Й. фон Радовица «Gespräche aus der Gegenwart über Kirche und Staat» («Беседы из настоящего времени о государстве и церкви», 1846), которую поэт рекомендовал великому князю Александру Николаевичу в доныне неопубликованном письме от конца августа 1847 г. (см. полный его текст в приложении к настоящей статье). Жуковскому, неоднократно переводившему разнообразные «диалоги», оказался близок избранный Радовицем жанр философской беседы, где персонажами выступили представители «мнения разных партий» – социалисты, республиканцы, монархисты, конституционалисты, излагающие и полемически отстаивающие свою систему взглядов:

> Detlev есть представитель в политике *коммунизма*, а в религии – *атеизма*; Oeder есть панегирист в политике механического *абсолютного государства*, *бюрократ*, обожествитель так называемого *общего* блага, *общей* пользы, а в религии он *ничего* не представляет: для него религия есть институция, как всякая другая, нужная для сохранения порядка, единства и тишины в государствах. Arnsburg есть представитель *неограниченной монархии*, аристократизма в политике и *позитивной религии*, в исповедание американцев истинно, жарко верующий. Cruβius представляет *конституционную монархию* и промыслофила (Judusfiel) в политике и *рационалиста* (философа-христианина, заимствующего в христианстве только учение, но не приемлет из него откровения). Наконец, Waldheim в политике не признает никакой из вышеозначенных систем, он есть представитель схизма в его высоком значении в его выражении высшей божественной правды и истины на земле, а в религии он пламенно верующий католик без всякой примеси нетерпимости, уродующей и умерщвляющей всякую веру. Каждое из означенных лиц защищает свое мнение со всею силою искуснейшего убеждения <…> но читатель, закрыв книгу и сведя всю ее в один итог, останется согласным с мнением Waldheima, который, очевидно, есть и выразитель убеждений самого автора (ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 196 об. – 197 об.).

Позже, в 1850 г., в брошюре «Иосиф Радовиц», писатель говорил о пророческой верности книги Радовица, отвергающей конституционалистские, республиканские и социалистические сценарии в пользу реформированного самодержавия:

> <…> из нее раздается как будто эхо пророческого, никем не услышанного, событиями оправданного голоса; она появилась в свете как гигантская тень беде подходящей, но по которой никто не предугадал близости страшилища <…> читателю должно самому решить, на чьей стороне правда: для него остается очевидным только то, что представитель самого автора, следственно и того, что сам автор почитает истинным, не есть радикал-атеист Детлев, ни бюрократ Эдер, ни рационалист-адвокат представительного правления Крузиус, ни верующий протестант-абсолютист Арнсбург (все, впрочем, честные люди), а строгий католик Вальдгейм, защитник чистой, на Божией правде основанной монархии [9. С. 506–507].

Поддержка последней стратегии и развенчание первых составили основной вектор публицистики и эпистолярия Жуковского 1848–1850 гг. Предметом категорического осуждения выступили в первую очередь основные движущие силы революционного объединительного процесса: народные массы, обобщенно характеризуемые как пролетариат, и третьесословная интеллигенция, ставшая рупором низовых политических движений, в том числе во Франкфуртском общегерманском парламенте. И тем и другим писатель отказывает в легитимности, в возможности самостоятельно представлять национальное целое. Первые, «чернь», «толпа», для него не имеют самостоятельной воли, кроме примитивно эгоистической, и провоцируются на мятеж исключительно внешними силами:

> На сцене кричат и действуют одни разбойники, которых истинные намерения выказываются час от часу яснее наружу <…> молчаливая трусость причиною тому, что крикливая трусость их противников кажется мужеством и силою, тогда как она не иное что, как дерзкое буянство пьяных трактирных бродяг, подкупаемых разбойниками высшего класса, поляками и жидами. Пред этими-то врагами в отрепьях молчат с покорностию правители Германии, окруженные войсками еще им верными» (письмо великому князю Александру Николаевичу от 17 (29) сентября 1848 г.) [13. С. 249–250].

В этом плане для Жуковского оказывается непонятным, в чем-то даже иррациональным, паралич верховной власти как в Пруссии, так и в других германских государствах, которому он способен предложить только нравственное истолкование – желание властителей не применять насилие против своих подданных.

Еще менее приемлемой была для Жуковского роль интеллигенции и журналистики, представлявших общественное мнение и формировавших политическое поле Германии. За ними писатель не признает наличия ре-

альных социальных сил и тем более легитимности, что превращало успех их деятельности в катастрофический исторический казус:

> Шумом упадшего французского трона пробуждается несколько крикунов в маленькой области Германского царства; несколько профессоров, адвокатов, лекарей и марателей бумаги, никем не призванных, никем не уполномоченных, предводительствуя маленькою дружиною дерзких журналистов, выходят в бой противу всех законных государей, окруженных сильною армиею, и все они разом, без боя, кладут оружие и принимают безусловно те бессмысленные законы, которыми в чаду своей силы (не действительной, а созданной внезапным страхом их противников), наскоро, без всякой умеренности, без малейшего признания права и правды, толпа анархистов уничтожает всякий авторитет и всякую возможность порядка («Письмо к кн. П.А. Вяземскому о его стихотворении “Святая Русь”», 1848) [9. С. 408].

Энтузиазм «нескольких профессоров, адвокатов, лекарей и марателей бумаги» Жуковский готов интерпретировать как субъективное и произвольное теоретизирование либо как сознательный политический эгоизм, для которого недовольство определенных групп населения выступало только поводом достижения собственных корыстных целей:

> С одной стороны действуют эгоисты *утопий*, которые во что бы то ни стало хотят изрезать общество в куски, чтобы просторно уложить его в свою Прокрустову постель, искренно убежденные, что не постель создана для лежащего на ней, а лежащий создан для постели. Хуже их *честолюбцы*, которым все равно, погибнет ли общество или нет, только бы полакомиться на пиру власти. Наконец, самые худшие суть претенденты *власти*, которым не *до славы*, не до *первенства* над другими, а просто до чужого добра, до превращения *твоего* в *мое*. Они ищут прибытка: зажигают дом, чтобы пограбить на пожаре (письмо великому князю Александру Николаевичу от 29 января (10 февраля) 1849 г.) [14. С. 530].

Жуковскому был глубоко чужд эгалитаристский подход к нациестроительству, подразумевавший отмену сословных барьеров и признание за каждым гражданином права участия в политической жизни. «Правильное» устройство общества основывалось, скорее, на налаженной иерархии социальных групп, на «соединении всех состояний в одно стройное тело (начиная с вершины от правящего монарха до основания, до трудящегося земледельца и работника)» («О происшествиях 1848 года») [9. С. 430], что в совокупности образовывало национальное целое. Право представлять нацию и ее интересы тем самым закреплялось исключительно за государем, вершиной иерархии и единственным легитимным действующим лицом политики.

Это обусловило в публицистике и эпистолярии Жуковского 1848–1850 гг. сосредоточение внимания преимущественно на фигуре короля Фридриха-Вильгельма IV. Здесь можно выделить два этапа. В статьях и

письмах 1848 г. на первый план выступили проблемы внутреннего политического устройства Пруссии, с 1849 г. спектр интереса сместился на конкурирующие сценарии объединения Германии. Отвергая право за подданными самодеятельно выдвигать требования к монарху, Жуковский безусловно признавал неразрешенность проблем, возникших в момент образования Германского союза в 1815 г.:

> «К несчастию, эти обвинительные крики основаны на истине: государи Германии остались в долгу у своих народов. И главная вина их состоит менее в том, что они этого долга не заплатили, нежели в том, что они не оказали надлежащей решительности в его признании («О происшествиях 1848 года») [9. С. 421].

Важнейшей из них являлась конституционная реформа, заявленная как обязательная для всех немецких государств, но так и не проведенная в большинстве из них, в том числе в Пруссии. Даже в 1847 г., созвав объединенный ландтаг, Фридрих-Вильгельм IV не признал за ним права на политические дискуссии и создание проекта конституции. Для Жуковского эта медлительность не оправдывала революционных возмущений, поскольку король, однажды подтвердив свое намерение дать конституцию, последовательно готовил реформы. Его планам не позволило реализоваться анархическое буйство радикализированной толпы, которому Фридрих-Вильгельм противопоставил мужественное, но в большинстве пассивное сопротивление, позволившее выявиться разрушительному влиянию «самодержавия народа».

Согласие монарха в декабре 1848 г. принять конституцию интерпретировалось Жуковским как акт вынужденный, как компромисс, который в дальнейшем должен быть пересмотрен в пользу подлинного и исторически обоснованного договора между государем и подданными, о чем говорилось в финале сконструированной в письме к великому князю «виртуальной» королевской речи Фридриха-Вильгельма:

> Итак, призываю вас не к одному утверждению данной мною хартии, но к ее совершенному преобразованию в хранительно-монархическом смысле. Когда же совершится ваш труд, признав его оконченным, я передам его на конфирмацию времени и опыта. Предоставляю себе назначить срок, в который будут снова собраны представители всех состояний государства, чтобы снова пересмотреть и исправить ту хартию, которая выйдет из ваших совещаний, и чтобы ее на все времена утвердить положительно, как закон основный (письмо великому князю Александру Николаевичу от 3 (15) декабря 1848 г. – 19 (31) января 1849 г.) [13. С. 264].

Именно апелляция к историческому опыту, к наследию прошлого, по Жуковскому, отсутствовала в объединительных проектах Франкфуртского собрания, предлагавшего ввести единообразную конституцию (Die Grundrechte) во всех германских государствах: «Die Grundrechte написаны и многими уже правительствами приняты. А он чистый хаос» (письмо ве-

ликому князю Александру Николаевичу от 3 (15) декабря 1848 г. – 19 (31) января 1849 г.) [13. С. 270]. Это уравнивание лишало каждую страну собственного характера, олицетворенного в той или иной правящей династии:

> Что сказать об этом парламенте с его единством или единицею Германии, производимою из нулей? Хотят Германии без государств германских, без истории, без народной личности, без народной славы, без любви к родине, без исторического благоприобретенного богатства. Не чистый ли это коммунизм? (письмо великому князю Александру Николаевичу от 29 января (10 февраля) 1849 г.) [14. С. 530].

Здесь нужен был иной подход, опровергающий франкфуртскую формулу «0+0+0+0=1»:

> <…> не только не нужно, чтобы частное исчезло, нужно, напротив, чтобы части, без которых не может быть целого, сохранили свою необходимую самобытность и в стройной своей совокупности составили одно гармоническое целое, но в нем не исчезли. Единство происходит не от мертвого единообразия, а от живого соединения: так и единство Германии; оно может произойти только из соединения, следственно, и из сохранения живых частей ее. Как бы ни красноречиво провозглашали свои теории проповедники церкви св. Павла во Франкфурте, но иного единства им создать для нее не удастся. По их арифметике несколько нулей могут составить единицу; они говорят Петру, Ивану, Карлу, Вильгельму: «Каждый из вас должен сперва сам себя зарезать, потом из ваших мертвых трупов мы составим одного общего, живого человека» («О происшествиях 1848 года») [9. С. 425].

Символическим воплощением подлинного германского единства, основанного на союзе государей, стала у Жуковского встреча прусского короля Фридриха-Вильгельма IV и австрийского эрцгерцога Иоанна Австрийского, провозглашенного 29 июня 1848 г. «блюстителем империи», на празднике 14–16 августа 1848 г. в честь 600-летия строительства Кельнского собора, олицетворения самой немецкой нации. Это подтверждало намерение короля

> <…> искренно содействовать тому, чтобы законная свобода народов Германии, возможная только с свободою и самобытностию их государей, на твердых основаниях укоренилась: на это Фридрих Вильгельм IV подал руку эрцгерцогу Иоанну Австрийскому; он хочет достроить, а не разрушить для перестройки, древле начатый великий храм германского народа» («О происшествиях 1848 года») [Там же. С. 426].

Сохранение династического принципа, однако, открывало возможность не только сотрудничества государей, но и их конкуренции за доминирование в обновленном Германском союзе, перипетиям которой было посвящено внимание Жуковского в 1849–1850 гг. Франкфуртскому пангерманизму уже в 1848 г. оказалась противопоставлена сепаратная политика Пруссии и Австрии,

наиболее влиятельных держав. К весне 1849 г. прусским войскам удалось подавить революционное движение, общегерманский парламент был распущен, а Фридрих-Вильгельм IV отказался принять предложенную ему корону императора Германии. В Австрии после подавления Альфредом Виндишгрецем октябрьского восстания 1848 г. в Вене и апрельского «весеннего похода» русских войск 1849 г., разгромившего революционную Венгрию, также была восстановлена власть императора Франца-Иосифа, что поставило крест на возможности вхождения страны в единую Германию. Жуковский, не симпатизируя уравнительному пангерманизму, воспринял эти сепаратные тенденции, особенно со стороны Австрии, болезненно:

> Все с тех пор опять перепуталось. Кто главная к тому причина? Не ведаю: я не политик. Но признаюсь, не могу без отвращения смотреть на действия Баварии, Саксонии, Ганновера и Австрии, только что спасенной бескорыстным могуществом Русского Царя, у которого она не потрудилась занять его великодушного бескорыстия. Пруссия же пошла своим путем, против которого в начале не протестовал никто (кроме Баварии и Виртемберга). Может ли она всякую минуту, не утратив своего достоинства, покоряться шаткости других правительств? (письмо великому князю Александру Николаевичу от конца января – начала февраля 1850 г.) [15. С. 345].

Единственной позицией, которую Жуковский готов был одобрить, была прусская – позиция последовательно контрреволюционная, основанная на ликвидации либеральных уступок и возвращении всей полноты исполнительной и законодательной власти монарху. В 1850–1852 гг. прежнее видение Германии как братского союза земель и государей, по сути федеративное, у писателя трансформируется в сценарий объединения под эгидой прусского короля, воплощающего единство немецкой нации как «Германский сборный воевода»:

> Чем более думаю о том, что на германской политической сцене творится, тем яснее кажется мне, что дорога, избранная Пруссиею и указанная ею другим, есть самая прямая и верная. Единство Германии и с ним ее сила будут упрочены только тогда, когда и внешняя политика, и внутренняя исполнительная власть будут сосредоточены в одном представляющем их лице (которое не будет ни Прусский король, ни Австрийский император, а Германский сборный воевода), когда не будет ни особенной Прусской, Австрийской, Баварской, Любекской и пр. внешней политики, ни Прусской, Баварской, Австрийской, Франкфуртской армии, а будет Германская политика и Германская армия. Если *одно* лицо будет представителем *целой* Германии, унизится ли от этого достоинство каждого Германского государя в особенности? Нимало! Только сосредоточится их внешнее действие, утратится только ненужный суетный блеск личного представительства, за то прекратятся все интриги личного эгоизма и мелочные дипломатические сплетни. <…> И если Прусский король, как сильнейший в союзе (при невозможности остаться в нем для Австрии) имеет право на звание Герман-

ского воеводы, то это не делает его властителем, а только представителем общей воли, которая тем успешнее может быть исполняема, чем сильнее будет тот, кому будет вверено ее исполнение. Теряет ли тут что-нибудь личное достоинство государей Германских?» (письмо великому князю Александру Николаевичу от 14 (26) июня 1850 г.) [15. С. 354–355].

При этом Жуковский даже не чужд апелляции к деспотическому опыту, представляя, как проблему объединения мог решить дед действующего прусского короля Фридрих II:

> Было бы великое счастие для Германии, когда бы в оные дни, когда королю Фридриху Вильгельму IV поднесли императорскую корону, наскоро выкроенную из золотой бумаги, во Франкфурте, месяца на три (не более) влез в него его покойный дедушка Фридрих II: он бы разом из бумажного золота короны сделал бы железное золото диктаторства (письмо великому князю Александру Николаевичу от 25 июня (7 июля) 1850 г.) [Там же. С. 363].

Именно этот сценарий реализовался в 1860-е гг., когда под эгидой власти короля Вильгельма I Отто фон Бисмарк «железом и кровью» в войнах с Данией, Австрией и Францией подчинил Пруссии остальные германские земли и создал Второй рейх [4. С. 143–161].

Приложение

Великому князю Александру Николаевичу

Конец августа 1847 г. Франкфурт-на-Майне

В немногих словах приношу Вашему Императорскому Высочеству мое и всего моего семейства поздравление с днем Вашего ангела[1]. Позвольте принести Вам в этот день, по русскому обычаю, подарок – книжку, недавно вышедшую из печати, которую прочитал я с жадностию[2]. Во время этого чтения мне часто приходило желание, чтобы Вы также эту книжку прочитали; и вот к Вашему тезоименитству, как нарочно, вышло второе ее издание (в два месяца уже разошлось все первое). Приношу Вам экземпляр этого второго издания с убедительною просьбою прочитать со вниманием этот небольшой том; я уверен, что и Государыня Великая Княгиня с особенным удовольствием займется этим чтением. Оно же будет для Вас привлекательно: форма сочинения вполне приятная, разговор, слог удивительно ясный. Одним словом, я давно ничего подобного не читал. Я хотел написать к Вашему Высочеству длинное письмо об этой книжке, но теперь я не в таком спокойном расположении духа, чтобы выразить ясно и порядочно свои идеи: моя бедная жена больна, уже третий день лежит в постеле, хотя, по словам доктора, еще нет ничего опасного в болезни, но она идет своим ходом и должна совершить свой путь. К чему она приведет – мы в руке Божией. И как ободрительно знать в такие минуты наверное, что мы в руке Божией… Чтобы, однако, возбудить в Вас любопытство прочитать не мельком посланную мною книжку, скажу, что в ней заключается взгляд на *все вопросы*, занимающие так сильно наше время, вопросы политические и религиозные. Разумеется, что автор имел в виду одну только Германию – но сии вопросы касаются до всей Европы; в особенности полезно обратить на них внимание стоящим на возвышенной степени правителей. В этой книжке изложены все противоположные мнения разных партий. Лица разговаривающие суть представители сих партий, и представители вышли в лучшем их смысле, так что каждый говорит по одному внутреннему *убеждению*, в твердой *уверенности*, что его мнение есть лучшее, самое благотворное для человечества и самое истинное, без всякой задней идеи корысти, эгоизма и пр. Detlev есть представитель в политике *коммунизма*, а в религии – *атеизма*; Oeder есть панегирист в политике механического *абсолютного государства*, *бюрократ*, обожествитель так называемого *общего* блага, *общей* пользы, а в религии он *ничего* не представляет: для него религия есть институция, как всякая другая, нужная для сохранения порядка, единства и тишины в государствах. Arnsburg есть представитель *неограниченной монархии*, аристократизма в политике и *позитивной религии*, в исповедание американцев истинно, жарко верующий. Cruβius

[1] Тезоименитство великого князя праздновалось 30 августа (10 сентября), что позволяет датировать письмо.

[2] Речь идет о книге Й. Радовица «Gespräche aus der Gegenwart über Kirche und Staat».

представляет *конституционную монархию* и промыслофила (Judusfiel) в политике и *рационалиста* (философа-христианина, заимствующего в христианстве только учение, но не приемлет из него откровения). Наконец, Waldheim в политике не признает никакой из вышеозначенных систем, он есть представитель схизма в его высоком значении, в его выражении высшей божественной правды и истины на земле, а в религии он пламенно верующий католик без всякой примеси нетерпимости, уродующей и умерщвляющей всякую веру. Каждое из означенных лиц защищает свое мнение со всею силою искуснейшего убеждения, всеми средствами искусной диалектики, никто не остается побежденным равно (ибо этого ни в каких *существовавших* спорах не бывает, следственно, не может быть и в книжном, вымышленном), но читатель, закрыв книгу и сведя всю ее в один итог, останется согласным с мнением Waldheima, который, очевидно, есть и выразитель убеждений самого автора. Этот автор скрыл свое имя, и никто заподлинно <его> не знает. Тем более веры можно иметь к его книге, он писал не для пустой знаменитости, которая в наше время потеряла верную цену, а писал для того, чтобы сказать в глаза своему времени всю полную для него правду и указать, как правителям, так и управляемым, ту бездну, которая перед ногами их раскрывается. Из книги видно, что автор ее – человек опытный в делах государственных, что он *практик*, в котором опытность *на практике* стоит на твердых *теоретических* правилах, без которых она не иное что, как пирамида, стоящая на кратере.

Прошу Вас прочитать эту книжку со вниманием, в ней все для Вас будет полезно, даже и то, с чем Вы сами соглашаться не будете (то есть в чем будете не согласны с Вальдгеймом, который здесь представляет истину).

Когда это письмо придет в Петербург, Государыня Великая Княгиня Ольга Николаевна будет уже, вероятно, в дороге. Я получил, по ее приказанию, маршрут ее, прошу Ваше Высочество благоволить выразить перед нею мою благодарность. Я уже собираюсь поехать в Веймар, чтобы там принести мое поздравление Ее Высочеству; и для меня будет тем радостнее исполнение этого желания, что оно будет в то же время следствием выздоровления жены моей. Да будет угодно Богу, чтобы эта болезнь не лишила меня поездки моей в Веймар и счастия увидеть Государыню Великую Княгиню.

Сохрани Бог Вас и все Ваше благословенное семейство.

Жуковский

Какие вести о нашем бедном Кавелине[1]? Семен Алексеевич[2] не потрудился ответить мне на мой о нем допрос. Благоволите разбудить эту ленивую персону и приказать ей написать ко мне.

Автограф: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 196–198 об.

Датируется: конец августа 1847 г.

---

[1] Александр Александрович Кавелин (1793–1850), герой 1812 г., один из воспитателей цесаревича, в последние годы жизни страдал от психического заболевания.

[2] Семен Алексеевич Юрьевич (1798–1865), генерал от инфантерии, преподаватель и впоследствии флигель-адъютант великого князя.

Литература

1. *Уортман Р.* Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии : в 2 т. М. : О.Г.И., 2002. Т. 1. 607 с.

2. *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М. : Новое литературное обозрение, 2008. 248 с.

3. *Maiorova O.* From the Shadow of Empire: Defining the Russian Nation through Cultural Mythology, 1855–1870. Madison : University of Wisconsin Press, 2010. 277 p.

4. *Данн О.* Нации и национализм в Германии: 1770–1990. СПб. : Наука-СПБ, 2003. 469 с.

5. *Киселева Л.Н.* Диалог Вяземского и Жуковского о Святой Руси // «На меже меж Голосом и Эхом» : сборник статей в честь Татьяны Владимировны Цивьян. М., 2007. С. 137–147.

6. *Киселев В.С., Владимирова Т.Л.* Творческая история статьи В.А. Жуковского «Письмо к кн. П.А. Вяземскому о его стихотворении “Святая Русь”»: публ. и коммент. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 3 (29). С. 109–124.

7. *Виницкий И.Ю.* Дом толкователя: поэтическая семантика и историческое воображение В.А. Жуковского. М. : Новое литературное обозрение, 2006. 328 с.

8. *Гузаиров Т.* Жуковский – историк и идеолог николаевского царствования. Тарту : Tartu Ülikooli Kirjastus, 2007. 153 с.

9. *Жуковский В.А.* Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. М. : Языки славянской культуры, 2016. Т. 11 (первый полутом). 1048 с.

10. *Лебедева О.Б., Янушкевич А.С. и др.* Примечания // Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. М., 2016. Т. 11 (первый полутом). С. 621–988.

11. *Янушкевич А.С.* «Горная философия» в пространстве русского романтизма (В.А. Жуковский – М.Ю. Лермонтов – Ф.И. Тютчев) // Жуковский и время. Томск, 2007. С. 133–161.

12. *Каримский А.М.* Философия истории Гегеля. М. : Изд-во МГУ, 1988. 272 с.

13. Русский архив. 1885. № 2.

14. Русский архив. 1885. № 4.

15. Русский архив. 1885. № 7.

Scenarios of the Revolutionary Unification of Germany in Vasily Zhukovsky's Reflection (on the Material of Journalistic and Epistolary Works of 1848–1850)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 57. 191–205. DOI: 10.17223/19986645/57/12

Vitaly S. Kiselev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kv-uliss@mail.ru

Keywords: V.A. Zhukovsky, revolution in Germany in 1848, unification of Germany, political journalism, letters.

On the material of Vasily Zhukovsky's political journalism and correspondence of 1848–1850, his attitude to the scenario of Germany's unification, formed during the revolutionary events of 1848, is described. The writer believed the main vector of history was man's and society's moral perfection motivated by Divine Providence. The ability to organically follow it ensures the correct historical development, and autocratic power is the only legitimate institution that embodies the will of Providence. This power is guided by law and conscience, and acts as a guarantor of the social contract. The antithesis of evolution is a rapid historical change, which invariably leads to a catastrophe.

For Zhukovsky, such a catastrophe was the scenario of Germany's unification proposed by the revolutionary events of 1848. It was then that the modernization of the autocracy

through new legal, social and economic forms was opposed to constitutionalist and republican ideas, including a socialist doctrine.

The subject of Zhukovsky's categorical condemnation was, first of all, the main driving forces of the revolutionary unifying process: the masses, generally characterized as the proletariat, and the common intelligentsia that became the mouthpiece of grass-roots political movements, including those in the Frankfurt German Parliament. The writer denies the legitimacy of the both.

Thus, Zhukovsky's journalism and correspondence of 1848–1850 focused mainly on the figure of King Friedrich Wilhelm IV. Two stages can be distinguished in Zhukovsky's writings. The articles and letters of 1848 brought to the fore the problems of the internal political structure of Prussia (the constitutional reform). Even in 1847, having convened a united Landtag, Friedrich Wilhelm IV did not recognize its right to political debate and to the creation of a draft constitution. His consent to adopt the constitution in December 1848, in Zhukovsky's opinion, was a forced compromise, which was later to be revised in favor of a genuine and historically justified agreement between the sovereign and his subjects.

Since 1849, Zhukovsky's interest shifted to the competing scenarios for the unification of Germany, which also initially welcomed the preservation of historically established forms of statehood, i.e. the federal structure of the German Union. The preservation of the dynastic principle, however, opened up the possibility of not only the cooperation of the sovereigns, but also their competition for dominance. Zhukovsky, without sympathizing with the egalitarian Pan-Germanism, perceived these separate tendencies, especially those from Austria, painfully. The only position he was willing to approve was Prussian. It was a consistently counter-revolutionary position based on the elimination of liberal concessions and the return of the full executive and legislative powers to the monarch.

In the appendix to the article, Zhukovsky's letter to Grand Duke Alexander Nikolayevich of late August 1847 is first published.

References

1. Wortman, R. (2002) *Stsenarii vlasti: mify i tseremonii russkoy monarkhii: v 2 t.* [Scenarios of power: the myths and ceremonies of the Russian monarchy: in 2 vols]. Vol. 1. Translated from English. Moscow: OGI.

2. Miller, A.I. (2008) *Imperiya Romanovykh i natsionalizm: Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya* [The Romanov Empire and Nationalism: Essay on the Methodology of Historical Research]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

3. Maiorova, O. (2010) *From the Shadow of Empire: Defining the Russian Nation through Cultural Mythology, 1855–1870.* Madison: University of Wisconsin *Press.*

4. Dann, O. (2003) Natsii i natsionalizm v Germanii: 1770–1990 [Nation and nationalism in Germany: 1770–1990]. Translated from German. St. Petersburg: Nauka-SPB.

5. Kiseleva, L.N. (2007) Dialog Vyazemskogo i Zhukovskogo o Svyatoy Rusi [Dialogue of Vyazemsky and Zhukovsky on Holy Russia]. In: Zayonts, L. (ed.) *"Na mezhe mezh Golosom i Ekhom": Sbornik statey v chest' Tat'yany Vladimirovny Tsiv'yan* ["At the boundary between the Voice and the Echo": A collection of articles in honor of Tatyana Tsivyan]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, pp. 137–147.

6. Kiselev, V.S. & Vladimirova, T.L. (2014) The creative history of V.A. Zhukovsky's article "Letter to Prince P.A. Vyazemsky about his poem Holy Russia": publication and commentary. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology.* 3 (29). pp. 109–124. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/29/10

7. Vinitskiy, I.Yu. (2006) *Dom tolkovatelya: poeticheskaya semantika i istoricheskoe voobrazhenie V.A. Zhukovskogo* [Interpreter's House: Poetic Semantics and Historical Imagination of V. Zhukovsky]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

8. Guzairov, T. (2007) *Zhukovskiy – istorik i ideolog nikolaevskogo tsarstvovaniya* [Zhukovsky: a historian and ideologist of Nicholas's reign]. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus.

9. Zhukovskiy, V.A. (2016) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete Works and Letters: In 20 vols]. Vol. 11(1). Moscow: Izdatel'skiy dom YaSK.

10. Lebedeva, O.B. et al. (2016) Primechaniya [Notes]. In: Zhukovskiy, V.A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete Works and Letters: In 20 vols]. Vol. 11(1). Moscow: Izdatel'skiy dom YaSK.

11. Yanushkevich, A.S. (2007) "Gornaya filosofiya" v prostranstve russkogo romantizma (V.A. Zhukovskiy – M. Yu. Lermontov – F. I. Tyutchev) ["Mountain philosophy" in the space of Russian romanticism (V.A. Zhukovsky – M.Yu. Lermontov – F.I. Tyutchev)]. In: Yanushkevich, A.S. & Ayzikova, I.A. (eds) *Zhukovskiy i vremya* [Zhukovsky and time]. Tomsk: Tomsk State University.

12. Karimskiy, A.M. (1988) *Filosofiya istorii Gegelya* [Hegel's philosophy of history]. Moscow: Moscow State University.

13. *Russkiy arkhiv*. (1885) 2.

14. *Russkiy arkhiv.* (1885) 4.

15. *Russkiy arkhiv.* (1885) 7.